

Горбунова Татьяна Александровна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Международно-правовое регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления террористической направленности

Аннотация. В настоящей статье рассмотрено международно-правовое регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних на примере преступлений террористической направленности. Выделены проблемные вопросы уголовной ответственности, сделаны выводы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетние, возраст, суд, преступность, преступление.

Высокая актуальность рассмотрения международно-правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних подтверждается, в том числе, данными Международного института изучения радикализации и политической преступности, согласно которым 12% всех участников ИГИЛ составляют несовершеннолетние [5]. Учитывая это, очень верными нам представляются слова Г. Лаутерпахта, обращавшего внимание на то, что дети представляют собой наиболее уязвимую и нуждающуюся в защите часть общества и их защита необходима в интересах общества [4].

Международно-правовой фундамент норм и принципов, регулирующих различные аспекты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних преступников, в том числе за террористические преступления, составляют: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [2] и Конвенция о правах ребенка 1989 г. [1].

Регулирование вопросов, связанных с отправлением правосудия в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления террористической направленности, представляет собой явный пробел в праве, поскольку не затрагивается ни в одной из универсальных антитеррористических конвенций, принятых в рамках ООН. Это объясняется во многом тем, что нормы данных конвенций не имеют прямого действия и нуждаются в имплементации в национальное законодательство государственных участников, которое может иметь свою специфику, обусловленную историко-правовыми и культурными особенностями.

Все приведенные международные документы характеризуются следующими особенностями. Во-первых, они исходят из необходимости исправления и последующей ресоциализации и реинтеграции несовершеннолетнего преступника в общество. Во-вторых, признается необходимость применения к несовершеннолетним делинквентам дифференцированного подхода, состоящего, например, в избрании в отношении них смягченных мер пресечения и видов наказания или создании особых коррекционных условий в пенитенциарных учреждениях. В-третьих, подразумевается, что установление возраста уголовной ответственности является дискретным правом государства, как и обеспечение прав несовершеннолетних преступников, корреляция между возрастом которых и возрастом уголовной ответственности должна учитываться при отправлении в отношении них правосудия. В-четвертых, отмечается необходимость соблюдения всех процессуальных гарантий несовершеннолетних на всех стадиях судебного разбирательства.

© В соответствии со ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждый человек, которому предъявлено уголовное обвинение, вправе рассчитывать на независимое и беспристрастное судебное разбирательство. О статусе несовершеннолетних в этом контексте в документе ничего не говорится. Вместе с тем согласно п. 2 (b) ст. 10 Международного пакта 1966 г. обвиняемые несовершеннолетние отделяются от совершеннолетних и в

кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения. Таким образом, данная норма устанавливает дифференцированный подход в отношении несовершеннолетних обвиняемых, который выражается, во-первых, в их неодинаковом статусе на стадии досудебного расследования по сравнению со взрослыми обвиняемыми, а во-вторых, в минимизации срока их содержания под стражей на этой стадии. В п. 3 ст. 10 Международного пакта также установлена обязанность государств-участников создавать особые условия содержания в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних осужденных с целью их исправления и социального перевоспитания. Обязанность учитывать возраст несовершеннолетних и желательность их перевоспитания закреплены в п. 4 ст. 14 Международного пакта. Нормы данного договора существенно дополняются положениями Конвенции о правах ребенка 1989 г., где закреплены процессуальные гарантии несовершеннолетних (презумпция невиновности; недопустимость судопроизводства *ex post facto* – ретроактивного действия закона при квалификации преступления; право на переводчика; право на адвоката; право не свидетельствовать против самого себя, восходящее к общему принципу права *nemo tenetur se ipsum accusare*; возможность повторного рассмотрения уголовного дела в суде вышестоящей инстанции в рамках апелляционного производства и т. д.). Нормы Конвенции образуют *lex specialis* по отношению к Международному пакту. Все эти положения образуют самостоятельный нормативный комплекс и в полном объеме применяются к несовершеннолетним, совершившим даже такие тяжкие деяния, как преступления террористической направленности.

Вместе с тем, существует ряд проблем, связанных с международно-правовым регулированием ответственности, которые возникают при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних обвиняемых в совершении террористических преступлений. Во-первых, налицо серьезное противоречие между неотвратимостью наказания в силу общего принципа права *punitur quia recusat* и нередко возникающей невозможностью привлечь к уголовной ответственности несовершеннолетнего по формальным основаниям

(из-за возраста ниже минимального для целей уголовного преследования), что зачастую недопустимо в силу высокой степени общественной опасности террористического преступления. Вместе с тем отсутствие в ряде стран нормы об установлении минимального возраста уголовной ответственности также следует признать неудовлетворительным, поскольку оно уравнивает в статусе, с одной стороны, юных преступников, а с другой – совершеннолетних террористов, чья вовлеченность в преступления террористической направленности обычно сопряжена с рядом отягчающих обстоятельств. В таких условиях единственным фактором, от которого зависит справедливость и объективность судебного разбирательства, оказывается судебское усмотрение, пределы которого определяются уровнем правовой культуры конкретного служителя Фемиды. Во-вторых, в силу отсутствия надсубъектного аппарата принуждения в международном праве и того, что вопросы установления минимального возраста уголовной ответственности отнесены к внутренней компетенции суверенных государств, нет никаких правовых механизмов воздействия на государства с гипертрофированной карательной составляющей при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних. В-третьих, принимая во внимание наличие диспропорций в экономическом развитии и неодинаковый уровень правовой культуры в государствах, необходимо констатировать, что далеко не все из них в состоянии реализовать цели, которые заявлены в Конвенции о правах ребенка 1989 г., а именно исправление, ресоциализацию и реинтеграцию несовершеннолетних преступников. Это чревато их безвозвратной потерей в качестве законопослушных граждан и полноценных членов общества, их криминализацией и сломом психики, а также гражданской дезориентацией. В-четвертых, крайне дискуссионным является вопрос о квалификации деяний, совершаемых несовершеннолетними в условиях вооруженного конфликта и *prima facie* являющихся террористическими: зачастую трудно провести грань между военным преступлением и террористическим актом.

Приведем примеры судебной практики о привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности. В декабре 1945 г. Британский военный суд приговорил к восьми годам лишения свободы 15-летнего юношу, состоявшего в молодежной организации Национал-социалистической немецкой рабочей партии, за соучастие в совершении военного преступления (убийстве британского военного летчика, обладавшего статусом военнопленного) в марте 1945 г. Безусловно, суровость наказания лишь за соучастие может быть объяснена духом военного времени и действием в тот период на территории оккупированной Германии британской военной юрисдикции, правомерность которой обосновывалась со ссылкой на доктрину *debellatio*. Однако примечателен сам факт вынесения обвинительного приговора в отношении несовершеннолетнего за международное преступление [3, с. 96–109].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Международно-правовые документы в сфере ювенальной юстиции представляют собой самодостаточный комплекс норм, исходящих из необходимости ресоциализации несовершеннолетнего, применения к нему дифференцированного подхода при отправлении правосудия, превенции преступности среди несовершеннолетних и надлежащего обеспечения их прав. Они в полной мере применимы к несовершеннолетним обвиняемым в совершении террористических преступлений.

2. Среди проблем, связанных с регулированием вопросов ювенальной юстиции в антитеррористическом контексте, особо выделяются диспропорции между неотвратимостью наказания и частой невозможностью уголовного преследования несовершеннолетнего в силу возраста; отсутствие в международном праве требований к минимальному возрасту уголовной ответственности; неспособность многих государств обеспечить ресоциализацию несовершеннолетних преступников.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.09.2020).

3. Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. 2018. № 4.

4. Application of the Convention of 1902 Governing the Guardianship of Infants (Netherlands v. Sweden), Separate Opinion of Sir Hersch Lauterpacht // I.C.J. Reports. 1958.

5. Number of Women and Children Who Joined ISIS Significantly Underestimated // The Guardian. 2018. 23 July.

© Бюллетень магистранта 2020 год № 5